

*Н.Е. ВОРОБЬЕВ (Волгоград),
А.Ю. ШАЧИНА (Мурманск)*

РЕЛИГИОЗНОЕ ВОСПИТАНИЕ В ФИЛОСОФСКО- ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ И. КАНТА

Показаны актуальные вопросы религиозного воспитания в философско-педагогическом творчестве И. Канта, его взгляд на сочетание нравственного и религиозного воспитания и высший нравственный закон, названный им категорическим императивом.

Ключевые слова: *воспитание, вера, христианство, свобода, воля, поступок, разум, личность, чувство долга, категорический императив.*

В последние десятилетия в связи с переходом к личностно ориентированной парадигме образования в нашей стране возрос интерес к научным исследованиям в области философии педагогики и, что еще более важно, к философской педагогике. В основе последней лежит мысль о принципиальной невозможности воспитания человека в строгом смысле слова. Здесь необходимо пояснить, что представители другого педагогического течения, эмпирической педагогики (например, В. Брецинка в Германии), настаивают на следующем: зная законы психологии и умело оперируя ими, можно при помощи специальных педагогических технологий сформировать личность с конкретно заданными ценностями. К счастью, к последним в таких современных учениях относят ответственность, веру, товарищество, доброту и т.п. С нашей точки зрения, они игнорируют тот факт, что личность, по словам К.А. Сергеева, – это не сугубо антропологическая категория, не категория бытия природного порядка, а *метафизическая* в своем изначально божественном назначении, которое вообще не поддается научному познанию [6, с. 28]. Эта «само-бытийность» личности, утверждаемая категорическим императивом Канта, обуславливает границу педагогики, которую она не может переступить и которой нельзя пренебрегать.

При попытке осмысления религиозного воспитания представляется целесообразным обращение к философскому наследию И. Канта (1724–1804). Этот философ убедительно показывает, что, как только человек начинает за-

ниматься самопознанием, исследованием своего разума и глубин души, он неизбежно приходит к вере в Бога.

В предлагаемом к рассмотрению философском учении акцентируется необходимость религиозного воспитания. Важно, что при этом Кант подчеркивает первостепенность нравственного воспитания по отношению к религиозному. Это не кажется таким уж бесосновательным сегодня, если мы задумаемся над понятием «христианин». По определению российского православного философа А. Кураева, которое он дал во время своего выступления перед верующими в Мурманске, христианин – это человек, «который смотрит на Христа глазами апостолов». Согласно этому, быть христианином – это еще не означает быть свободной, ответственной и высоконравственной личностью. Следовательно, цель религиозного (христианского) воспитания должна формулироваться как воспитание не просто христианина, но личности, достойной этого высокого звания. Таким образом, прежде чем сообщать ребенку серьезные религиозные понятия, необходимо, чтобы в нем пробудились свобода, добрая воля, чувство долга, чтобы он открыл в себе и признал мерилем своих поступков высший нравственный закон, названный Кантом категорическим императивом. Идеи рациональной этики философа – свобода, добрая воля, чувство долга, – как и религиозное чувство, есть неотъемлемые свойства человеческого разума и находятся в нем изначально в зародышевом состоянии (здесь авторы имеют в виду интеллигентную природу человека). Задача воспитателя – сделать все возможное, чтобы помочь этим зародышам прорасти и окрепнуть.

Воспитание, по Канту, осуществляется поэтапно, в соответствии с задачами воспитания:

- 1) уход;
- 2) дисциплинирование, т.е. укрощение дикости (на данном этапе большое значение придается игре);
- 3) культивирование, т.е. передача знаний, умений и навыков;
- 4) цивилизирование – говоря современным языком, социализация;
- 5) нравственное воспитание, т.е. создание такого настроения, под влиянием которого избирались бы лишь добрые цели;
- 6) религиозное воспитание [2].

Две последние задачи для Канта самые важные.

Эти этапы преемственны, и первые четыре всегда ориентированы на нравственность, современные кантоведы характеризуют их как «чувственную подготовку к нравственности» [10]. Кант ограничивает содействие воспитанию человека 16 годами. В итоге правильно воспитания осознание в себе навыка руководствоваться в поступках нравственным законом, который каждый принимает для себя сам, является вершиной рефлексии, человек становится способным к самоопределению и, тем самым, к человеческому бытию. Все меры воспитания в конечном итоге направлены на осуществление *человеческого* бытия [8, с. 40].

Теперь обратимся непосредственно к вопросам веры и религиозного воспитания в философии Канта. Поясним, во-первых, что Кант был глубоко верующим человеком. В детстве родители будущего философа, убежденные пиеисты (пиеизм – одно из наиболее строгих течений лютеранской церкви), привили ему трудолюбие, ответственность и то, что мы называем порядочностью. К этим его достоинствам надо прибавить великолепное знание Священного Писания. Во-вторых, религиозная философия Канта, по справедливому замечанию Т.И. Ойзермана, образует лейтмотив большей части его произведений [5, с. 107]. Этими двумя замечаниями мы надеемся изначально убедить читателя, что обвинение Канта в атеизме лишено всякого основания. Конечно, он в духе протестантизма отрицает значение Предания, без которого мы, православные, не мыслим нашего вероисповедания, но, тем не менее, его произведения имеют большое значение для самоопределения верующих христиан (и верующих вообще), заставляют исследовать свой разум и сердце: соответствует ли наш образ жизни требованиям Творца. Более того, его размышления убедительно показывают, что для человека более естественна вера в Бога, чем атеизм, т.е. эти размышления могут привести неверующих к Богу.

Для Канта Бог, свобода и бессмертие – это фундаментальные проблемы нашего разума, а их познание есть потребность каждого. Философ пишет, что разум готов «скорее заблудиться», чем отказаться от этого исследования. Понятие о Боге он относит к самым чистым априорным знаниям, т.е. к знаниям, безусловно независимым от всякого опыта, к которым совершенно не примешивается ничто эмпирическое, но которые, тем не менее, дают возможность получить опыт [1]. Известно выражение Канта: «Я готов приподнять знание, чтобы рассмотреть, чтобы уступить ме-

сто вере» (перевод М.К. Мамардашвили) [4, с. 26]. Если углубленно изучать произведения Канта, то именно в этой фразе мы находим доказательство неизбежности прихода к вере. В годы атеизма немецкое слово *aufheben* почему-то переводили как «отказаться», что, с нашей точки зрения, противоречит философской системе Канта в целом.

Что же касается понимания отношений «человек – знание», «человек – этика», «человек – эстетика», «человек – педагогика», сегодня в связи с этим говорят о кантовских революциях, основным характерным признаком которых является то, что в центр всего поставлена человеческая личность: познающий субъект, мыслящее Я возвышаются до того, что порождает объективность, предметность.

Так, кантовская этика меняет отношения добра (и зла), с одной стороны, и нравственного закона, с другой стороны. Понятия добра и зла должны определяться не до категорического императива, а после и посредством него. Таким образом, идея о Высшем благе в мире является производной от нравственности, а отнюдь не является основанием морали. Для религиозного воспитания это означает пересмотр отношений религии и нравственности, религия оказывается обоснованной нравственностью. Речь идет о естественной, производной от практического разума религии, о религии доброго образа жизни. Здесь можно видеть нечто вроде субъективирования, а именно субъективирования религиозного сознания людей, которые находят Божественное в себе, в своем практическом разуме, а не в книгах и интерпретациях. Предполагается, что в религиозном воспитании важно сообщить учащимся идею о естественной универсальной религии, которую могут без всякого принуждения разделить все люди [9].

Человек, по Канту, есть конечная цель, он никогда не должен использоваться только как средство. Но у Канта есть другие слова: высшее благо – это конечная цель каждого разумного существа. Субъективно – это «стремление к счастью», объективно – «достоинность быть счастливым». Человек в силу своего несовершенства не в состоянии реализовать высшее благо в этом мире, привести счастье в мире в полное согласие с достоинством быть счастливым. Но это все-таки должно быть возможно, потому что разум способен это помыслить. Гарант этому – Бог, всемогущее нравственное существо, властитель мира [3, с. 265]. Мы не можем научно доказать Его существование, но мы должны разумно в Него верить,

чтобы иметь пример для нашего нравственно-го человеческого существования. Бог в Его совершенстве, с нашей точки зрения, ни в коем случае не может быть целью для становления и самоосуществления человека, как об этом заявляют атеистически настроенные толкователи Канта. Сам Кант поддерживает нас в нашем заявлении тем, что признает «Бога Сына» (или «Сына человеческого», или «Богочеловека») идеалом для нашего человеческого существования. (За поддержку наших взглядов и консультацию по данному вопросу авторы благодарны нашему научному консультанту М. Руффинг, доктору философии, преподавателю университета им. И. Гуттенберга в г. Майнц, ФРГ.) Согласно размышлениям Канта в его произведении «Религия в пределах только разума», мораль неизбежно ведет к религии.

Авторы с удовлетворением обнаружили поддержку своих взглядов у К.А. Михайлова, который отмечает очевидное тождество религии и морали в произведениях Канта, объясняя это тем, что произвольность человеческого поведения, согласно философу, ограничена свыше безусловным принуждением нравственных принципов [7, с. 67]. М. Руффинг поясняет в связи с этим, что не нравственные принципы сами по себе принуждают человека, а человек, чтобы быть нравственным, должен принять решение, сделать нравственный закон высшим принципом своего поведения, т.е. свобода воли ограничена разумом, который противостоит неразумным склонностям. Насколько сильным окажется разум, чтобы его было достаточно, определять волю к добру и позволить человеку действовать из чувства долга, зависит не от нас, это есть милость Бога и, добавим, по Канту, одна из Его тайн.

Религию Кант определяет как познание всех наших обязанностей как Божественных заповедей [3, с. 380]. При этом он призывает осторожно относиться к этому термину и не путать его с термином «вероисповедание», т.е., согласно философу, нельзя сказать, что кто-то исповедует, например, мусульманскую религию, исповедовать можно веру, а религия всегда одна – это религия чистого разума. Кант, рационалист в делах веры, признает морально необходимой лишь естественную религию – такую, согласно которой человек сначала должен знать, что нечто есть долг, прежде чем он признает это за божественную заповедь. Такой религией мыслитель считает христианство, которое, будучи окончательным отходом от иудаизма, где оно возникло, было основано на совершенно новом принципе и произвело полную революцию в веро-

учении. Основателем этой «свободной от всех статуты и начертанной в сердце каждого человека религии и основателем первой истинной церкви» он называет Христа. По словам Канта, Учитель Евангельский объявил единственно душеспасительной моральную веру, которая одна только освящает человека, «как Отец ваш на небесах свят есть», и в добром жизнеповедении доказывает свою истинность. Источником учения христианской веры может быть Новый Завет. Христианство соответствует великому требованию церкви, а именно – всеобщности, поскольку под этим понимается ее значимость для каждого, т.е. всеобщее единодушие (в случайных мнениях она может и не быть единой, но в отношении существенной цели она воздвигнута на таких принципах, которые должны вести ее ко всеобщему объединению в единую Церковь) [3, с. 336]. Различий и перемен, по мнению философа, нельзя избежать, пока мы ищем религию не в нас, а вне нас. Кант полагает, что христианство как моральная религия теснейшим образом связано с разумом, поэтому оно «с завидным постоянством» может распространяться во все времена и на все народы. В этой религии можно убедить каждого или, «по крайней мере, предположить действие ее у каждого как долг». Христианское учение, построенное на фактах, а не только на понятиях разума, Кант называет уже не христианской религией, а христианской верой.

Кант рассматривает Всевышнего как священную тайну. С его точки зрения, нам не обязательно знать, что такое Бог по своей природе, Он представляет интерес для человека прежде всего как моральное существо. В соответствии с данной потребностью практического разума, всеобщая истинная религиозная вера, которая также должна сообщаться детям, есть «вера в Бога 1) как во всемогущего творца неба и Земли, то есть в моральном смысле как в святого законодателя, 2) как в хранителя человеческого рода, то есть благого правителя и морального опекуна его, 3) как в блюстителя своего собственного священного закона [Там же, с. 370]. Кант считает, что призывать Бога следует только во имя Отца и Сына и Святого Духа (и никогда «в столь многообразных личностях»), т.е. во имя «даже Им Самим выше всего почитаемого и любимого предмета, пребывать в моральном единстве с которым есть наше желание и, вместе с тем, наш долг» [Там же, с. 375–377].

По Канту, Бог открыл нам свою волю через моральный закон, но оставил недоступными для нашего знания причины, побуждающие

к свободному действию. Философ объясняет это непостижимой для нас Божественной мудростью: «В отношении же объективного правила ... все, в чем мы нуждаемся, нам достаточно открыто (через разум и Писание), и это откровение в то же время понятно каждому человеку». И далее: «...то, что человек моральным законом призван к доброму образу жизни ... – этому поучают и к этому побуждают одновременно разум, сердце и совесть» [3, с. 375]. Кант считает, что требовать большего было бы нескромно, и это не есть всеобщая человеческая потребность. Высшая, для человека никогда вполне не достижимая цель морального совершенства, по Канту, – это любовь к закону (категорическому императиву).

Источником всякого зла в мире философ называет себялюбие. Кант возлагает огромную ответственность за образ мыслей на самого человека: «Если человек в моральном смысле бывает или должен быть добрым или злым, то он сам себя должен делать или сделать таким». И далее: «Если говорят: он рожден добрым, то это может означать только то, что он создан для добра и что первоначальные задатки в человеке добрые» [Там же, с. 291]. На этом моменте о первоначальных задатках добра представляется необходимым остановиться подробнее. Под «первоначальными задатками» Кант понимает объективно необходимую составную часть существа, следовательно, компонент, без которого человек не был бы возможен вообще. При этом важно, что зло, в противоположность задаткам добра, не относится к человеку с объективной необходимостью. Кант говорит о «тяге к злу», которая вообще случайна для человека. Философ провозглашает необходимость искоренения зла и борьбы с ним. Кант полагает, что высшая склонность в нас, склонность к добру, может быть достаточно сильной, чтобы определять нашу волю без каких-либо дополнительных мотивов. В связи с этим К. Шенхерр рекомендует разбирать с воспитанниками героические поступки литературных героев, насколько чистыми были их мотивы, т.е. насколько они соответствовали долгу и были добрыми [11].

Как педагогам, так и воспитанникам важно осознать, что борьба против какого-то одного порока, выявленного эмпирическим путем, не есть путь к успеху. Ссылаясь на Евангелие от Иоанна, Кант акцентирует следующее: если кто-либо становится морально (а не только по закону) добрым (богоугодным), это «должно быть вызвано революцией в образе мыслей человека (через переход к его максиме святости)» [3, с. 294], и новым человеком он мо-

жет стать только через некое возрождение, как бы через новое творение и изменение в сердце. Добрый человек является таковым только в непрерывной деятельности и созидании, в никогда не прекращающемся стремлении к лучшему. Для образа чувств, которые иногда этому препятствуют, согласно Канту, необходима постепенная реформа.

По словам Канта, только в постоянном самосовершенствовании, в стремлении стать лучше человек приобретает право надеяться на непостижимое для него Божественное содействие [3, с. 292].

Кант критикует молитву, если та есть только внутреннее формальное богослужение: «Сердечное желание стать угодным Богу во всем нашем поведении – вот дух молитвы, который всегда должен и может иметь место» [Там же, с. 418]. Также он осуждает посещение церкви только ради снискания благодати, в церкви, по Канту, должно происходить общение верующих, которое «являет собой достойное похвалы средство для назидания каждого в отдельности, но и для всех как членов гражданского Божественного государства, представляемого здесь на Земле» [Там же, с. 421]. В этом смысле посещение церкви есть долг.

Говоря о единой религии для всего человечества, религии, в которой с наибольшей полнотой воплощены нравственные принципы, Кант, как было сказано выше, отдает предпочтение христианству. Тут есть соблазн заблуждения и гордыни. Кант имеет в виду идеальную, «невидимую Церковь», к которой могут принадлежать все одаренные разумом существа, поскольку они верующие; «видимая» Церковь как реальное объединение людей для молитвы, веры и добра необходима и должна стремиться к этому идеалу на Земле, но никогда не может, по Канту, претендовать на то, чтобы быть единственной возможностью реализации веры. Священники, которые проповедуют обратное, занимаются, с точки зрения философа, лжеслужением. Важно понять, что именно «невидимая церковь» должна объединить людей, исповедовавших прежде разные веры.

Кант считал, что маленькие дети не в состоянии осознать, что такое Бог, и предостерегал от воспитания в страхе перед Богом, а также от привычки в ожидании какого-либо поощрения совершать сообразные с долгом поступки. Однако, воспитывая детей, надо учитывать, считал философ, что они уже в самом раннем возрасте дома и в церкви становятся свидетелями молитв своих родителей, церковных обрядов и празднеств. Отсюда возникает

необходимость объяснить им на элементарном уровне, что такое Бог: следует учить детей почитать в Нем любящего Отца, знатока человеческих сердец. Согласно Канту, формировать у детей глубокие религиозные убеждения надо уже на базе имеющихся нравственных [2].

Нравственное же воспитание должно начинаться не с исправления нравов, а с преобразования образа мыслей и утверждения характера. При этом он замечает, что каждый человек тем сильнее проникается уважением к своему с долгом поступку, чем более он отвлекается от других мотивов, которые из-за себялюбия могли бы иметь влияние на максимум поступка. Философ предупреждает, что дети способны подмечать самый ничтожный след примеси ненастоящих мотивов, и тогда поступок мгновенно утрачивает для них всякую моральную ценность. Кант подчеркивает важную роль примеров добрых поступков, которые могут быть почерпнуты также из книг (от себя добавим – из книг Предания), на которых ученики учатся судить в области морали о нечистоте некоторых максим по действительным мотивам поступков — посредством этого «задатки добра необычайно развиваются и постепенно переходят в образ мыслей, так что долга ради одного только долга начинают получать в их сердцах заметный вес» [3, с. 295]. Примеры должны служить для ободрения, но ни в коем случае не для подражания, т.к. подражание в сфере нравственности, по Канту, неуместно. Мыслитель предупреждает о том, что не стоит учить удивляться добродетельным поступкам из долга, подобного рода удивления заслуживает, скорее, поддержка долга со стороны нашего чувства. Но и этому у Канта есть объяснение, а именно наличие в нашей душе первоначальных моральных задатков, того, что возвышает душу. Кант рекомендует как можно чаще возбуждать чувство возвышенности своего морального назначения, что опять возвращает нас к Богу [2; 3].

Сегодня обращение к Канту также не утратило смысла. В статье о современном значении этикотеологии Канта Т.И. Ойзерман, например, пишет, что она является философско-историческим обоснованием экуменического движения, которое приобрело значительное влияние в странах христианского вероисповедания [5, с. 113]. Это добрые тенденции настоящего и будущего, и мы, со своей стороны, настоятельно рекомендуем современной науке о воспитании учитывать критический потенциал, который содержится в философско-педагогической теории Канта.

Литература

1. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.
2. Кант И. О педагогике // Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 445–504.
3. Кант И. Религия в пределах только разума // Трактаты и письма. СПб.: Наука, 1996. С. 78–278.
4. Мамардашвили М.М. Кантианские вариации. М.: Аграф, 1997.
5. Ойзерман Т.И. Этикотеология Канта и ее современное значение // Вопр. философии. 1997. № 3. С. 103–114.
6. Сергеев К.А. Философия Канта и новоевропейская метафизическая позиция // Иммануил Кант. Трактаты. СПб.: Наука, 1996. С. 5–146.
7. 100 этюдов о Канте / общ. ред. В.В. Васильева. М.: КДУ, 2005.
8. Hufnagel Erwin. Immanuel Kant // Hufnagel Erwin. Der Wissenschaftscharakter der Pädagogik. Studien zur pädagogischen Grundlehre von Kant, Natorp und Hönigswald. Würzburg: Königshausen u. Neumann, 1990. S. 28–151.
9. Koch Litz : Kants Revolutionen // Kant – Pädagogik und Politik / Hrsg. von Litz Koch und Christian Schönherr. Würzburg: ERGON – Verlag, 2005. S. 9–22.
10. Niethamer Arnolf: Kants Vorlesung über Pädagogik: Freiheit und Notwendigkeit in Erziehung. Frankfurt a.M.: Peter D. Lang Verlag, 1980.
11. Schönherr Christian: Über Kant, das Böse und die Frage nach der ethischen Bildung des Menschen // Kant – Pädagogik und Politik / Hrsg. von Litz Koch und Christian Schönherr. Würzburg: ERGON – Verlag, 2005. S. 45–59.

* * *

1. Kant I. Kritika chistogo razuma. M.: Myisl, 1994.
2. Kant I. O pedagogike // Traktaty i pisma. M.: Nauka, 1980. S. 445–504.
3. Kant I. Religiya v predelah tolko razuma // Traktaty i pisma. SPb.: Nauka, 1996. S. 78–278.
4. Mamardashvili M.M. Kantianskie variatsii. M.: Agraf, 1997.
5. Oyzerman T.I. Etikoteologiya Kanta i ee sovremennoe znachenie // Vopr. filosofii. 1997. № 3. S. 103–114.
6. Sergeev K.A. Filosofiya Kanta i novoevropeyskaya metafizicheskaya pozitsiya // Immanuel Kant. Traktaty. SPb.: Nauka, 1996. S. 5–146.
7. 100 etyudov o Kante / obsch. red. V.V. Vasileva. M.: KDU, 2005.
8. Hufnagel Erwin. Immanuel Kant // Hufnagel Erwin. Der Wissenschaftscharakter der Pädagogik. Studien zur pädagogischen Grundlehre von Kant, Natorp und Hönigswald. Würzburg: Königshausen u. Neumann, 1990. S. 28–151.

9. Koch Litz : Kants Revolutionen // Kant – Pädagogik und Politik / Hrsg. von Litz Koch und Christian Schönherr. Würzburg: ERGON – Verlag, 2005. S. 9–22.

10. Niethamer Arnolf: Kants Vorlesung über Pädagogik: Freiheit und Notwendigkeit in Erziehung. Frankfurt a.M.: Peter D. Lang Verlag, 1980.

11. Schönherr Christian: Über Kant, das Böse und die Frage nach der ethischen Bildung des Menschen // Kant – Pädagogik und Politik / Hrsg. von Litz Koch und Christian Schönherr. Würzburg: ERGON – Verlag, 2005. S. 45–59.

Religious education in the philosophic and pedagogic creative work by I. Kant

There are considered the urgent issues of religious education in the philosophic and pedagogic creative work by I. Kant, his views on combination of the moral and religious education and the higher moral law that he called categoric imperative.

Key words: *education, faith, Christianity, freedom, will, deed, mind, personality, call of duty, categoric imperative.*

(Статья поступила в редакцию 30.12.2013)

Т.Н. БОКОВА
(Волгоград)

ВЛИЯНИЕ РЕФОРМ НА СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ В США В XX в.

Рассматриваются и анализируются основные законы и документы, принятые в США в XX в. («Иммиграционный закон», «Закон об образовании в интересах национальной обороны», «Основополагающие принципы среднего образования», «Движение приспособления к жизни», «Отличное качество образования» и др.), показывается их влияние на развитие среднего и высшего образования в США.

Ключевые слова: *XX век, образование в США, реформа, национальная ассоциация образования.*

Проводимая в России модернизация содержания образования призвана существенно сблизить позиции российской системы образования и образовательного пространства США. Для детального анализа изменений в образовательной системе США необходимо рассмо-

треть основные образовательные реформы и показывать их влияние на развитие среднего и высшего образования в США.

Важно заметить, что XX в. в данной стране характеризуется реформированием системы образования благодаря федеральному правительству. В начале века, при большом притоке иммигрантов, усилилось и движение за прогрессивные социальные реформы. Так, в 1917 г. конгресс принял федеральную программу, чтобы помочь профессиональному образованию, и при поддержке самих трудящихся был принят закон *Смита–Хьюза*, ставший первым законодательным актом, направленным на обеспечение федерального финансирования начальной и средней школы. Помимо финансовых гарантий этот закон содержал не менее важный пункт, где отвергался принцип, согласно которому вся американская молодежь должна была учиться в средней школе по единому учебному плану. Как утверждает П. Грэм [1], с тех пор система народного образования США страдает от сегментации программы средней школы, вызванной введением профессионально-технического обучения. Как правило, малоимущие школьники оказываются заложниками ущербной учебной программы, состоящей из «общих» предметов или «прикладных» курсов, в то время как другие учащиеся набираются знаний на занятиях по полноценной программе либо на подготовительных курсах для поступления в колледж.

В 1918 г. был опубликован подготовленный Комиссией по реорганизации среднего образования отчет Национальной ассоциации образования под названием «*Основополагающие принципы среднего образования*». Этот документ, вызванный к жизни ростом числа учащихся средних школ за первые два десятилетия XX в., послужил воплощением идеи, что целью средней школы не является усвоение определенного учебного материала. Только один из семи принципов имел отношение к учебному процессу и был сформулирован как «*овладение знаниями о ключевых процессах*» [Там же, с. 245] и мог быть истолкован как принцип начального, а не среднего образования. Данные семь принципов, составлявшие основу профессиональной подготовки будущих учителей вплоть до второй половины XX в., делали упор на неакадемические задачи средней школы. Они зафиксировали противоречие между американскими идеалами добродетели и знания, считавшимися двуединой целью образования. Помимо задачи овладения